

ЛИРА ОСКОЛЬСКАЯ

ХИРУРГИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ →

Разный
ВЕКТОР

Лира Оскольская

Разный вектор

«Автор»

2026

Оскольская Л.

Разный вектор / Л. Оскольская — «Автор», 2026

Дмитрий и Лилия работают вместе много лет. Он - осторожный и рассудительный заведующий хирургическим отделением. Она - дерзкая и бесстрашная хирург, привыкшая доверять интуиции и действовать, пока есть шанс. Когда в отделении появляется сложный пациент, их профессиональные взгляды сталкиваются. Дмитрий предлагает подождать и сначала провести лечение, Лилия настаивает на операции. И чем жарче становятся их споры, тем труднее обоим делать вид, что между ними существует только работа. Пять лет назад они уже могли стать ближе, но одна нелепая ошибка в понимании чужих слов развела их по разным сторонам. Теперь им предстоит выяснить, что иногда разные векторы вовсе не мешают встретиться. Особенно если речь идёт о любви.

© Оскольская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 2. Операционный простор.	11
Глава 3. Точка пересечения.	20
Глава 4. Вектор за пределами больницы.	25
Глава 5. Чужой вектор.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ли́ра Оскольская

Разный вектор

Пролог.

В хирургическом отделении всегда существовало несколько способов определить, насколько тяжёлым будет день.

Можно было посмотреть на расписание операций, заглянуть в список пациентов, оценить количество незнакомых фамилий на утреннем обходе или просто услышать, как в коридоре одна за другой захлопываются двери кабинетов. Но у Лилии был свой, гораздо более точный способ: она смотрела на Дмитрия.

Если он пил кофе до восьми утра, день обещал быть терпимым. Если кофе оставался нетронутым, следовало готовиться к неприятностям. А если Дмитрий вообще забывал о его существовании, лучше было не спрашивать, что случилось, а просто проверить, где лежат последние результаты анализов.

Сегодня чашка стояла на краю его стола уже почти час. Дмитрий к ней не притронулся. Лилия посмотрела на кофе, потом на него и мысленно решила, что утро действительно не задалось.

Впрочем, с Дмитрием никогда нельзя было сказать наверняка, что именно являлось причиной его дурного настроения. В свои тридцать пять он обладал редким умением выглядеть совершенно спокойным даже тогда, когда внутри у него, вероятно, рушилась половина Вселенной.

Он был высоким, крепким мужчиной с той основательной внешностью, которая особенно заметна рядом с больничной мебелью и бесконечными рядами одинаковых белых халатов. Дмитрий почти всегда носил халат, застёгнутый аккуратно и безупречно, а под ним — рубашку. Даже в самые загруженные дни он умудрялся выглядеть так, будто пять минут назад вышел из кабинета, а не провёл четыре часа в операционной.

Вне больницы его гардероб был столь же предсказуем: классические брюки, костюмы, рубашки, пальто. Джинсы в его жизни существовали примерно так же, как экзотические животные в средней полосе России: теоретически где-то были, но лично их никто никогда не видел.

Лилия однажды спросила, почему. Дмитрий посмотрел на неё совершенно серьёзно.

— В джинсах неудобно работать.

— Вы же не работаете в них.

— Вот именно.

После этого она окончательно перестала пытаться понять его гардероб.

С Лилией всё было иначе.

Она была маленькой — всего сто шестьдесят сантиметров, — и рядом с Дмитрием иногда казалась почти хрупкой. Именно казалась.

Её тёмные волосы вились от природы густыми непослушными кудрями, которые сама Лилия считала личным наказанием за какие-то неизвестные грехи. Она регулярно пыталась их выпрямлять, укладывать, собирать, договариваться с ними мирным путём, но волосы неизменно побеждали.

Особенно после тяжёлой смены.

Тогда из аккуратной причёски выбивались отдельные тёмные пряди, и Лилия становилась похожа на человека, который только что пережил небольшую катастрофу, хотя обычно именно в этот момент ей удавалось спасти кого-нибудь от гораздо большей.

Она была привлекательной и прекрасно об этом знала. Самооценкой природа её точно не обделила. При этом Лилия совершенно не стремилась выглядеть в больнице как человек, который случайно забрёл туда с деловой встречи. Пока большинство коллег предпочитало кроксы и одежду, которую можно было без сожаления отправить в стирку после любой неприятности, Лилия носила каблуки, элегантные брюки, платья, блузки и аккуратные украшения.

Перед операцией всё это исчезало. Каблуки оставались в шкафчике. Волосы собирались, украшения снимались. На ней появлялась операционная одежда, и вместе с ней исчезала последняя внешняя черта той женщины, которая могла вечером спокойно выбирать между двумя платьями для ужина.

В операционной Лилия становилась другим человеком. Там она была собранной, точной и совершенно бесстрашной. Именно поэтому, несмотря на рост, характер и привычку спорить с начальством, её давно перестали воспринимать как молодую перспективную врачиху. Лилия была одним из лучших хирургов отделения.

Дмитрий знал это лучше всех. Возможно, именно поэтому они так часто спорили.

Их больница была клинической базой медицинского института, поэтому здесь существовали сразу две жизни, которые постоянно пересекались. В отделении лечили сложных пациентов, проводили операции, обсуждали диагнозы и прогнозы, а в соседних аудиториях преподаватели читали лекции студентам, молодые врачи разбирали клинические случаи, а ординаторы пытались выглядеть так, будто понимают происходящее.

Дмитрий заведовал хирургическим отделением. Когда-то, много лет назад, его назначение вызвало разговоры. Он был протеже бывшего главного врача, и некоторые коллеги тогда считали, что тридцать с небольшим - слишком рано для такой должности. Дмитрий никому ничего не доказывал. Просто работал. Через несколько лет разговоры закончились сами собой. Он оказался хорошим заведующим. Требовательным, иногда невыносимо дотошным, временами слишком осторожным, зато человеком, который никогда не перекладывал ответственность на других. Если решение принимал Дмитрий, отвечать за него тоже приходилось Дмитрию.

Лилия это уважала. Хотя иногда её раздражало до зубовного скрежета. Особенно когда его осторожность сталкивалась с её убеждёностью в том, что в хирургии иногда приходится идти на риск. Наверное, именно поэтому они были идеальной профессиональной парой. И совершенно невозможной - во всём остальном.

Они работали вместе уже несколько лет и успели узнать друг друга настолько хорошо, что могли понимать намерения по одному взгляду.

Дмитрий знал, когда Лилия начинает нервничать. Лилия знала, когда Дмитрий злится. Он мог определить по тому, как она снимает перчатки, довольна ли она операцией. Она по одному движению его руки понимала, что он собирается изменить тактику. В операционной они почти никогда не мешали друг другу.

Вне её умудрялись раздражать друг друга даже молчанием. Причём никто из них не мог толком объяснить, когда именно это началось. Вернее, объяснение существовало. Просто оба предпочитали его не вспоминать. Пять лет назад Дмитрий однажды попытался пригласить Лилию на свидание. Попытка была настолько деликатной и настолько неудачно сформулированной, что Лилия решила, будто он хочет обсудить результаты операции. Дмитрий, увидев её с папкой медицинских документов, решил, что получил отказ. Никто из них не стал ничего уточнять. В результате они продолжили работать вместе.

Прекрасно работать вместе. И следующие пять лет каждый считал, что прекрасно понимает, почему между ними существует эта странная, едва заметная прохлада.

Хотя на самом деле никто ничего не понимал. Дмитрий был в разводе. Женился он ещё совсем молодым, в двадцать лет, когда ему казалось, что взрослую жизнь можно построить одним серьёзным решением. Не получилось. Они разошлись без большой войны, но и без жела-

ния когда-нибудь повторить этот опыт. Детей у него не было. Раньше Дмитрий относился к этому спокойно.

Теперь, в тридцать пять, спокойствие иногда давало трещину. Он всё чаще замечал возраст родителей, друзей, коллег. Смотрел на молодых отцов с детьми в больничном холле и впервые ловил себя на мысли, что когда-то тоже хотел бы услышать собственные шаги маленького человека по квартире.

Эта мысль ему не нравилась. Она казалась слишком личной. Лилия о таких вещах не думала. По крайней мере, так она утверждала. У неё были поклонники, приглашения на ужины, сообщения, которые она иногда демонстративно игнорировала, и несколько мужчин, которым, по мнению её подруг, следовало дать шанс.

Лилия считала иначе. Шанс нужно было заслужить. И если мужчина начинал с фразы «я вообще-то не очень люблю переписываться», его шансы стремительно приближались к нулю. Дмитрий об этом не спрашивал. Лилия ему не рассказывала.

Они вообще почти никогда не разговаривали о личном. Наверное, поэтому никто в отделении не удивлялся, когда они спорили.

— Вы опять не согласны? — спросила однажды ординатор, наблюдая очередной спор на консилиуме.

Лилия даже не подняла головы от снимков.

— Я почти всегда не согласна.

Дмитрий спокойно добавил:

— Это её профессиональная обязанность.

Лилия посмотрела на него.

— А вы думаете, ваша профессиональная обязанность - всегда мне возражать?

— Только когда вы ошибаетесь.

— Значит, сегодня у вас будет тяжёлый день.

Он едва заметно улыбнулся.

— Судя по кофе - уже.

Она тоже улыбнулась. Совсем чуть-чуть.

Иногда два человека движутся в одном направлении, но настолько разными путями, что долго принимают друг друга за препятствие.

Лилии и Дмитрию предстояло выяснить, что иногда препятствие - это всего лишь другой вектор.

Глава 1. Разный вектор

Клиническая база медицинского института находилась почти в самом центре города, в старом здании, которое с первого взгляда казалось слишком красивым для больницы.

Когда-то здесь, судя по сохранившимся фотографиям в институтском архиве, был особняк с широкими лестницами, парадными залами и высокими окнами. Потом здание несколько раз перестраивали, приспособляли под нужды медицины, соединяли переходами с соседними корпусами, надстраивали технические помещения, меняли коммуникации и прятали современные системы вентиляции за аккуратными панелями. От прежней архитектуры остался своеобразный скелет: высокие потолки, полукруглые арки, колоннады вдоль центрального холла и бесконечные коридоры, в которых даже самый торопливый человек через несколько минут начинал идти чуть медленнее.

Ремонт здесь делали регулярно, однако полностью победить возраст здания было невозможно. Новая плитка соседствовала со старой лепниной, стеклянные двери с тяжелыми деревянными полотнами, а современные светильники висели там, где когда-то, вероятно, горели огромные люстры. В некоторых местах стены были выкрашены в привычный больничный оттенок, в других сквозь свежую отделку, проступала архитектура прошлого, словно здание не особенно хотело забывать, чем оно было раньше.

И именно это Дмитрию нравилось. Он вообще любил вещи, которые имели историю.

В семь сорок пять утра центральный коридор уже жил своей обычной жизнью. Где-то звякнула посуда, из ординаторской донёсся короткий смех, по лестнице торопливо поднимались студенты, стараясь выглядеть так, будто совершенно не опаздывают на утреннюю конференцию. У поста медсестёр звонил телефон, из приоткрытой двери процедурного кабинета пахло антисептиком, а из окна на повороте коридора было видно кусочек двора с голыми ветвями старых лип.

Дмитрий шёл по коридору привычно быстро, но без суеты. Высокий, широкоплечий, в идеально сидящем белом халате, он производил то впечатление человека, который всегда знает, куда направляется. Даже если на самом деле за последние десять минут его планы успели измениться трижды.

— Дмитрий Сергеевич!

Он обернулся.

Ординатор первого года обучения догнал его возле колоннады, держа в руках папку и телефон одновременно.

— По Петрову результаты КТ пришли.

— Уже посмотрел?

— Пока только заключение.

— Тогда сначала посмотрите снимки, потом приходите ко мне.

Парень замялся.

— А если там...

— Если там что-то важное, тем более сначала посмотрите сами.

Дмитрий забрал у него папку, пролистал несколько страниц и вернул обратно.

— Учиться думать самостоятельно полезнее, чем учиться угадывать, что скажет заведующий.

Ординатор кивнул с таким видом, словно получил небольшую философскую лекцию, хотя Дмитрий всего лишь хотел успеть на конференцию. Он вошёл в ординаторскую и поставил на стол стакан с кофе. Кофе был необходимой частью его утреннего распорядка, хотя никто в отделении не помнил, с какого момента это стало правилом. Дмитрий пил его крепким, без сахара и почти всегда остывшим, потому что выпить напиток горячим в хирургическом отделении удавалось примерно с той же вероятностью, что провести целый день без телефонного звонка.

На большом экране уже открылись истории болезни. Дмитрий снял часы, положил их рядом с клавиатурой и посмотрел на список пациентов. Потом его взгляд остановился на одной фамилии. Он открыл историю.

Соколов Максим Андреевич, 52 года.

Дальше шли цифры, заключения, результаты обследований, описания исследований, которые для постороннего человека выглядели бы как набор холодных медицинских формулировок. Для Дмитрия они складывались в совершенно определённую картину. Опухоль желудка. Большая, местно-распространённая. Процесс уже вышел за пределы органа и вовлекал соседние ткани, включая участок поперечной ободочной кишки.

Ситуация была сложной. Но пока ещё не безнадёжной. Дмитрий задержал взгляд на последней строке КТ. Именно такие случаи он не любил оставлять без времени на обдумывание. Потому что хирургия иногда требовала решительности, а иногда умения вовремя остановиться.

— Ты опять смотришь на него так, будто он лично испортил тебе утро.

Голос раздался за спиной. Дмитрий даже не обернулся.

— Я смотрю на КТ.

— В твоём исполнении это практически одно и то же.

Теперь он повернулся. Лилия стояла в дверях, держа в одной руке планшет, а другой поправляя волосы, которые явно уже успели пережить несколько безуспешных попыток укладки. Её тёмные кудри жили собственной жизнью и, судя по выражению лица хозяйки, совершенно не собирались сегодня сотрудничать. На Лилии был белый халат поверх тёмного платья. Туфли на каблучке она сняла ещё в коридоре и несла в руке, потому что быстро ходить по больничному полу в них было неудобно. Через несколько минут она переобуется в операционную обувь, соберёт волосы и превратится в ту Лилию, которую знали все в отделении.

Сейчас же она выглядела почти беззащитно. Почти.

— Ты опоздала, — заметил Дмитрий.

— На сорок секунд.

— На минуту.

— Если ты собираешься вести учёт моих опозданий, предупреждай заранее. Я заведу встречную статистику.

— И что там будет?

— Твои случаи, когда ты говорил «это займёт пять минут», а потом исчезал на сорок.

Дмитрий едва заметно улыбнулся. Лилия заметила.

Она всегда замечала.

— Вот. Уже лучше, — сказала она и подошла к экрану. — А теперь покажи, что ты там нашёл.

Дмитрий молча освободил место рядом. Лилия встала близко, наклонилась к монитору, и на несколько секунд между ними осталось только изображение исследования. Так было всегда.

В операционной им почти не требовались слова. Они знали друг друга достаточно давно, чтобы понимать направление движения по одному взгляду, угадывать просьбу по жесту и заранее чувствовать момент, когда партнёру понадобится помощь. За несколько лет совместной работы это превратилось в профессиональную привычку, почти в рефлекс. Дмитрий доверял Лилии в операционной больше, чем большинству людей, с которыми работал. И именно поэтому иногда она раздражала его сильнее остальных.

Потому что доверять человеку и соглашаться с ним - совершенно разные вещи.

— Смотри сюда, — сказала Лилия.

— Вижу.

— Здесь ещё можно пройти.

— Можно.

Она повернула голову.

— Тогда почему ты так смотришь?

Дмитрий увеличил изображение.

— Потому что «можно пройти» и «стоит идти сейчас» - разные вещи.

Лилия несколько секунд изучала снимок.

Улыбка исчезла с её лица.

— Ты хочешь ждать химию.

Это был уже не вопрос.

— Да.

— А если опухоль за это время станет нерезектабельной?

— Если оперировать сейчас, мы получим тяжёлую операцию с большим объёмом вмешательства и гораздо большим риском осложнений. Если добьёмся ответа на терапию, наши условия могут стать значительно лучше.

— Могут.

— Именно.

— А могут и не стать.

Дмитрий посмотрел на неё.

— Поэтому нам и нужно решение консилиума.

Лилия положила планшет на стол.

— Я бы оперировала.

Разумеется, такой ответ он от неё ждал. Лилия всегда шла туда, где видела окно возможностей. Если существовал шанс сделать радикальную операцию сегодня, она предпочитала действовать сегодня, а не надеяться, что завтра условия станут удобнее.

Дмитрий был устроениначе. Он любил запас прочности. Любил, когда перед сложным вмешательством были изучены все возможные риски, просчитаны варианты, подготовлена кровь, согласованы специалисты и оставалось как можно меньше пространства для случайности. Лилия считала это осторожностью. Дмитрий считал её подходом к хирургии через адреналин.

Оба прекрасно знали, что каждый из них в глубине души прав и оба терпеть не могли это признавать.

— Я подготовлю пациента к консилиуму, — сказал Дмитрий.

— Хорошо.

— И ещё раз обсудим результаты после заключения онколога.

— Хорошо.

Она забрала планшет.

Сделала два шага к двери, потом остановилась.

— Дмитрий Сергеевич.

— Да?

— Только давай сегодня без твоего любимого: «Лилия, мы не играем в рулетку».

Он поднял глаза.

— А ты без своего: «Если бояться риска, нужно было выбирать терапию, а не хирургию».

— Я никогда так не говорила.

— Говорила.

— Возможно.

Она улыбнулась и вышла. Дмитрий снова посмотрел на экран. На снимке опухоль занимала слишком много места. Он хорошо понимал, почему Лилия хочет оперировать. И именно это беспокоило его больше всего. Потому что спорить с человеком, который ошибается, легко. Гораздо труднее спорить с тем, чья точка зрения имеет основания. За окном медленно светлело утро. В старом корпусе уже начинался очередной рабочий день: открывались кабинеты, спешили на занятия студенты, в коридорах перекликались врачи, а где-то этажом ниже началась первая операция. Дмитрий сделал глоток давно остывшего кофе и поморщился.

На секунду он подумал о том, что последние пять лет их с Лилией отношения напоминали именно этот клинический случай. Два разных подхода. Два разных направления и странная невозможность прийти к одной точке.

Впрочем, о личном он предпочитал не думать. Особенно о Лилии. С этим у него за последние пять лет тоже ничего не получилось. И, если уж быть честным с самим собой, именно здесь он когда-то совершил свою главную ошибку. Только тогда он ещё не знал, насколько дорого иногда обходится одна неправильно понятая фраза.

Глава 2. Операционный простор.

Максима Соколова привезли в хирургическое отделение к началу обхода. Он выглядел гораздо лучше, чем говорили его снимки. Это первое, что отметил Дмитрий, когда вошёл в палату. Мужчина пятидесяти двух лет сидел на кровати, прислонившись спиной к высокой подушке, и с таким сосредоточенным видом изучал меню больничной столовой, словно собирався не проходить лечение по поводу серьёзного онкологического заболевания, а выбирать ресторан для делового ужина.

— Ну что, доктор, — сказал Соколов, едва Дмитрий приблизился к кровати, — если вы сейчас скажете, что мне нельзя кофе, я начну подозревать, что медицина вообще создана для того, чтобы лишать человека последних радостей.

Лилия, стоявшая у окна и просматривавшая результаты анализов, подняла глаза.

— Кофе вам как раз можно.

Соколов облегчённо выдохнул.

— Вот. Уже один хороший врач в палате есть.

— Я этого не говорила, — невозмутимо ответила Лилия.

Мужчина посмотрел на неё, потом на Дмитрия.

— А кто из вас главный?

— Он, — одновременно сказали оба.

Лилия первой повернула голову к Дмитрию.

— Видишь? Пациент уже умеет ориентироваться в коллективе.

— Это пока единственное, в чём он уверен, — сухо заметил Дмитрий.

Соколов рассмеялся.

— Так, всё ясно. Вы давно работаете вместе.

— Достаточно давно, — ответил Дмитрий.

— И спорите?

— Только по работе.

— Значит, часто.

Лилия не удержалась от улыбки, Дмитрий сделал вид, что не заметил. Их сегодняшнее утро начиналось с обычного обхода, однако на Соколове обычность заканчивалась. Именно из-за него уже несколько дней в отделении обсуждали результаты исследований, собирали консилиум, звонили онкологам и радиологам, поднимали старые снимки, пересматривали заключения и спорили о том, насколько далеко зашёл процесс.

Случай был из тех, которые не помещаются в одну строку диагноза. Опухоль желудка оказалась местно-распространённой. Она уже вышла за пределы стенки органа и вовлекала окружающие ткани, в том числе участок поперечной ободочной кишки. При этом отдалённых метастазов по доступным исследованиям не обнаружили.

Именно это обстоятельство и делало ситуацию одновременно тяжёлой и обнадеживающей. Если бы процесс уже разошёлся по всему организму, разговор был бы другим, но пока существовал шанс на радикальное лечение.

Вопрос заключался в том, когда именно нужно вмешиваться.

Соколов посмотрел на Дмитрия.

— Вы ведь хирург?

— Да.

— Тогда объясните мне человеческим языком, что со мной происходит.

— Опухоль желудка распространилась за пределы органа и затрагивает соседние ткани.

В вашем случае есть вовлечение участка кишечника.

— То есть она решила переехать?

— Можно выразиться и так.

— А обратно её выселить можно?

Лилия прикрыла рот ладонью, скрывая улыбку. Дмитрий посмотрел на неё.

— Вам смешно?

— Немного.

— Очень профессионально.

— Я стараюсь поддерживать пациента.

— Поддерживать можно по-разному.

— Я как раз выбрала самый эффективный способ.

Соколов наблюдал за ними с нескрываемым интересом.

— А вы двое точно только по работе разговариваете?

— Максим Андреевич, — спокойно произнёс Дмитрий, — вам сейчас совершенно не обязательно знать историю нашего отдела.

— Жаль. А я уже заинтересовался.

— Выздоровливайте, тогда расскажем.

— Вот это мотивация.

Лилия снова улыбнулась и посмотрела в историю болезни.

— Давайте всё-таки о вас.

Соколов кивнул.

— Давайте.

В палате стало тише. Шутки ушли так же быстро, как появились, потому что оба врача знали: за лёгкостью разговора стоит человек, которому сейчас приходится принимать решения, от которых зависит не абстрактная статистика, а его собственная жизнь.

Лилия положила планшет на край стола.

— Максим Андреевич, мы обсудили результаты ваших исследований. Сейчас есть два основных варианта тактики. Первый - начать системное лечение и оценить ответ опухоли, после чего вернуться к вопросу операции. Второй - рассматривать хирургическое вмешательство уже сейчас.

Соколов нахмурился.

— А вы сами между собой уже выбрали, какой вариант лучше?

Повисла короткая пауза. Дмитрий посмотрел на Лилию, она посмотрела на него. Соколов перевёл взгляд с одного на другого и вдруг усмехнулся.

— Так и думал.

— Мы обсуждаем, — сказала Лилия.

— То есть спорите.

— Обсуждаем.

— Это медицинское слово для «спорим»?

— Вполне, — призналась она.

Дмитрий вздохнул.

— Лилия Владимировна считает, что операцию стоит выполнять сейчас.

— А Дмитрий Сергеевич считает, что сначала следует провести лекарственное лечение и посмотреть, как опухоль ответит.

— И кто из вас прав?

Оба промолчали. Соколов посмотрел на них ещё несколько секунд.

— Отлично. Значит, я попал ровно туда, где медицина особенно уверена в себе.

Лилия рассмеялась, даже Дмитрий не смог удержать улыбку.

— Мы оба уверены, — сказал он. — Просто в разных вещах.

— А это уже хуже.

— Почему?

— Потому что если бы один из вас был совсем не уверен, второй мог бы его переубедить. Лилия скрестила руки на груди.

— Вот видите, Максим Андреевич, вы уже начинаете понимать специфику хирургии.

— Я начинаю понимать специфику вас двоих.

Дмитрий перевёл разговор обратно к обследованию.

— Смотрите. Сейчас у нас есть возможность провести интенсивное системное лечение до операции. Его задача - уменьшить опухолевую массу, воздействовать на возможные микроскопические очаги заболевания и создать более благоприятные условия для хирургического этапа. После нескольких курсов мы проведём контрольное обследование и оценим ответ.

Соколов некоторое время молчал.

— А если она не уменьшится?

— Тогда тактика будет пересмотрена.

— А если увеличится?

— Тогда тоже.

— А если я скажу, что хочу убрать её сейчас?

Лилия чуть заметно подняла подбородок. Дмитрий ответил не сразу.

— Тогда мы обязаны объяснить вам, что именно будет означать такая операция.

Соколов посмотрел на Лилию.

— А вы объясните?

— Я объясню.

— Вы хотите меня оперировать.

— Да.

Дмитрий едва заметно покачал головой.

— Я считаю, что сейчас правильнее сначала получить ответ на терапию.

Соколов задумался.

— Почему?

Дмитрий подошёл к экрану и открыл изображения КТ.

— Потому что опухоль расположена таким образом, что во время операции нам, вероятнее всего, придётся работать не только с желудком. Есть вовлечение соседних тканей. Может потребоваться резекция участка кишечника. Объём операции может оказаться значительным. Чем меньше опухоль и чем чётче граница процесса после лечения, тем больше возможностей выполнить вмешательство контролируемо.

— То есть вы хотите сначала сделать её меньше.

— Именно.

Соколов посмотрел на Лилию.

— А вы почему хотите сейчас?

Она подошла к экрану. Несмотря на невысокий рост, в этот момент Лилия будто стала выше. В ней вообще происходила странная перемена, когда речь заходила о хирургии. В обычной жизни она могла спорить из-за выбора ресторана, раздражаться на собственные волосы и совершенно искренне считать каблуки лучшим изобретением человечества после антибиотиков. Но перед изображением опухоли в ней исчезала вся эта лёгкая суетливость.

Оставался только хирург- собранный, точный, упрямый.

— Потому что сейчас опухоль потенциально удалима, — сказала она. — Да, операция будет большой. Да, она может потребовать резекции соседнего участка кишки. Но на данный момент мы видим процесс, который можно попытаться удалить радикально. Я не хочу автоматически отдавать время терапии только потому, что операция станет технически проще.

— То есть вы боитесь потерять окно?

— Именно.

Дмитрий посмотрел на неё.

— А я боюсь превратить окно в дверь, которую мы захлопнем сами.

Лилия повернулась.

— Красиво сказали.

— Спасибо.

— Только смысл от этого лучше не стал.

— А должен был?

Соколов тихо рассмеялся.

— Простите, что вмешиваюсь, но правильно ли я понял? Один из вас боится, что мы потратим время, а второй, что потратим шанс на более безопасную операцию.

— В общих чертах, да, — ответил Дмитрий.

— И оба считаете, что спасаете меня от ошибки второго.

Лилия посмотрела на пациента.

— Мы считаем, что обязаны рассмотреть все варианты.

— Это очень дипломатично.

— А если я хочу знать, что выбрали бы вы, если бы на этой кровати лежал ваш близкий человек?

Дмитрий помолчал, Лилия тоже. Вопрос был простым, но ответить на него без профессиональных оговорок оказалось гораздо сложнее.

— Я бы хотел увидеть полную картину, — сказал Дмитрий. — Обсудил бы случай на консилиуме. Посмотрел бы все исследования, оценил общее состояние, риски, биологию опухоли. И только потом принимал решение.

Соколов кивнул.

— Это вы.

— А вы, Лилия Владимировна?

Она не отвела взгляда.

— Я бы спросила, сколько времени у меня есть на принятие решения. И если бы мне сказали, что окно для радикальной операции уже открыто, я бы очень серьёзно подумала о том, чтобы им воспользоваться.

— Вот, — сказал Соколов. — Теперь я понимаю, почему вы спорите.

— Мы не спорим, — автоматически произнесла Лилия.

Дмитрий посмотрел на неё.

— Сейчас спорим.

Она фыркнула.

— Ладно. Сейчас спорим.

В этот момент дверь палаты открылась. Вошла медсестра Валентина Николаевна женщина лет пятидесяти с таким выражением лица, словно весь больничный персонал состоял из людей, которых лично ей приходилось спасать от последствий их собственных решений.

В руках она держала небольшой пластиковый контейнер.

— Соколов.

— Я.

— Вам передали.

— Что?

— Я не знаю.

Она поставила контейнер на тумбочку.

— А кто передал?

— Женщина.

— Какая женщина?

Валентина Николаевна задумалась.

— Обычная.

Лилия посмотрела на неё.

— В каком смысле обычный?

— В человеческом.

Дмитрий опустил глаза, скрывая улыбку.

— Валентина Николаевна, — терпеливо сказал он, — что в контейнере?

— Понятия не имею.

— А почему вы принесли его пациенту?

— Потому что передали пациенту.

— А если там что-нибудь запрещённое?

Медсестра посмотрела на контейнер.

— Тогда я скажу, что это не я приносила.

Соколов рассмеялся.

— Валентина Николаевна, а вдруг там бомба?

— Тогда я точно скажу, что не я.

— Очень предусмотрительно.

— Я в больнице тридцать лет работаю. Предусмотрительность - мой главный профессиональный навык.

Лилия открыла контейнер. Внутри лежали два аккуратно нарезанных яблока, пирог и небольшая записка.

— Вам жена принесла? — спросила она.

— Бывшая.

— Тогда почему приносит?

Соколов пожал плечами.

— Может, всё ещё надеется, что я стану вести себя прилично.

Валентина Николаевна уже направилась к двери.

— Я бы не надеялась.

Соколов посмотрел ей вслед.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста.

Дверь закрылась. Несколько секунд в палате царила тишина, потом Лилия рассмеялась первой.

Дмитрий тоже улыбнулся.

— Удивительная женщина, — сказал Соколов.

— Вы ещё её не видели в пять утра, когда кто-нибудь не подписал историю болезни, — заметила Лилия.

— А что будет?

— Лучше вам не знать.

— А вы?

— Я знаю. Поэтому стараюсь всё подписывать.

Дмитрий посмотрел на неё.

— Не всегда.

— Дмитрий Сергеевич, вы сейчас решили испортить мою репутацию перед пациентом?

— Я просто уточнил.

— Очень благородно.

Соколов переводил взгляд с одного врача на другого.

— Я начинаю думать, что ваш спор существует исключительно для того, чтобы вам было о чём разговаривать.

Фраза была сказана шутя, но почему-то попала слишком точно.

— Максим Андреевич, — спокойно произнес Дмитрий, — мы разговариваем исключительно по медицинским вопросам.

— Конечно.

— Именно.

— Я понял.

Он снова взял меню.

— Тогда оставлю вас обсуждать исключительно желудок и кишечник.

Лилия отвернулась к окну, чтобы Соколов не заметил её улыбку. Дмитрий сделал вид, что рассматривает результаты анализов. Они слишком хорошо знали друг друга, чтобы не понимать: пациент попал в неприятно точное наблюдение.

После обхода они вышли в коридор. За стеклянными дверями напротив уже собрались студенты. Несколько человек ждали преподавателя, переговаривались вполголоса и время от времени заглядывали в планшеты. Кто-то пытался незаметно допить кофе, пока его не увидели преподаватели, а кто-то с совершенно серьёзным видом повторял анатомию перед занятием.

Лилия остановилась возле окна.

— Ты ведь понимаешь, что я права?

Дмитрий продолжил идти.

— Разумеется.

Она повернулась к нему.

— И всё?

— Что именно ты хочешь услышать?

— Хотя бы попытку возразить.

— Я только что двадцать минут возражал.

— Нет. Ты двадцать минут объяснял свою позицию.

— Это и называется возражать.

— Для тебя- возможно.

Он остановился.

— Лиль, я не против операции как таковой. Я против операции сейчас.

— А я против того, чтобы мы отдавали пациенту несколько месяцев только ради того, чтобы потом получить более красивую КТ.

— Это не вопрос красоты снимка.

— Я знаю.

— Тогда почему ты говоришь об этом так, будто я просто боюсь?

Она слегка прищурилась.

— Потому что ты боишься.

Дмитрий посмотрел на неё спокойно.

— Конечно, боюсь.

Ответ оказался настолько прямым, что Лилия на мгновение растерялась.

Он продолжил:

— Я боюсь осложнений. Боюсь нерадикальной операции. Боюсь, что мы сейчас войдём в ситуацию, из которой потом не сможем выйти тем способом, который даст пациенту лучший шанс.

Лилия медленно кивнула.

— А я боюсь другого.

— Знаю.

— Что мы будем слишком долго ждать идеального момента, которого медицина вообще редко предоставляет.

Дмитрий посмотрел на неё внимательнее. За это он её и ценил. Лилия могла быть резкой, упрямой, задиристой, иногда совершенно невыносимой, но она никогда не боялась смотреть на проблему прямо.

Она не пряталась за формулировками.

— Поэтому и нужен консилиум, — сказал он.

— Конечно.

— И поэтому я не собираюсь запрещать тебе отстаивать свою позицию.

— Как великодушно.

— Я серьёзно.

— А я серьёзно считаю, что ты иногда слишком долго думаешь.

— Зато редко жалею о том, что сделал.

Она улыбнулась.

— А я редко жалею о том, что сделала.

— Я знаю.

— Тогда у нас проблема.

— У нас всегда была проблема.

Она посмотрела на него, на секунду между ними повисло что-то совсем другое. Фраза прозвучала двусмысленно, хотя Дмитрий совершенно точно не собирался вкладывать в неё ничего личного. По крайней мере, так он решил.

Лилия первой отвела взгляд.

— Я пойду к онкологу.

— Хорошо.

— И хочу, чтобы на консилиуме мы рассмотрели оба варианта.

— Разумеется.

— И чтобы решение принималось не потому, что заведующий любит осторожность.

Дмитрий чуть приподнял бровь.

— А потому, что хирург любит риск?

— Видишь, как быстро ты учишься.

Она развернулась и пошла по коридору. Дмитрий смотрел ей вслед несколько секунд. Потом заметил ординатора, который стоял у двери и явно наблюдал за ними.

— Что?

Парень вздрогнул.

— Ничего.

— Тогда почему смотришь?

— Я думал, вы опять спорите.

— Мы обсуждали пациента.

— Конечно.

Дмитрий прищурился.

— Ты хочешь что-то сказать?

— Нет.

— Хорошо.

Ординатор кивнул, сделал шаг, потом всё-таки остановился.

— Дмитрий Сергеевич?

— Да?

— А если вы с Лилией Владимировной когда-нибудь поженитесь, кто из вас будет решать, где отпуск проводить?

Дмитрий медленно посмотрел на него. Парень покраснел.

— Я просто...

— Ты просто сейчас пойдёшь и согласишься Петрова.

— Да.

— И очень внимательно.

— Да.

Ординатор исчез за дверью. Дмитрий ещё несколько секунд стоял неподвижно. Потом неожиданно для самого себя усмехнулся. Поженитесь. Ерунда какая. Совершенно несвоевременная, абсурдная и совершенно невозможная мысль.

Он направился в сторону ординаторской и почти сразу увидел Лилию. Она стояла у поста медсестры и что-то объясняла Валентине Николаевне, активно жестикулируя.

— Нет, Валентина Николаевна, я говорю вам, что этот анализ должен быть в истории.

— Я уже положила.

— Куда?

— В историю.

— В какую?

— В медицинскую.

Лилия закрыла глаза.

— У нас все истории медицинские.

— Вот и прекрасно.

Дмитрий остановился в нескольких метрах. Валентина Николаевна заметила его первой.

— Дмитрий Сергеевич, объясните ей.

— Что именно?

— Что если я положила бумагу в историю, значит, она там лежит.

Лилия повернулась к нему.

— Скажи ей, что истории бывают разные.

— Валентина Николаевна права.

— Вот видишь!

— Но анализ всё равно нужно найти.

— Спасибо, — торжественно сказала Лилия. — Теперь объясни ей это.

Дмитрий посмотрел на медсестру.

— Валентина Николаевна, найдите анализ.

— Я знала, что вы меня поймёте.

Она ушла, Лилия проводила её взглядом.

— Как ты это делаешь?

— Что именно?

— Говоришь с людьми так, что они делают то, что ты попросил, и ещё благодарят.

— Опыт.

— Я тоже хочу.

— Не получится.

— Почему?

— Ты слишком быстро споришь.

Она улыбнулась.

— А ты слишком медленно признаёшь, что я права.

— Это тоже опыт.

Лилия покачала головой.

— Пять лет, Дмитрий Сергеевич.

Он посмотрел на неё. Она тоже посмотрела. Пять лет. Они оба знали, о чём речь, хотя ни один не произнёс этого вслух. Пять лет назад всё было проще и одновременно почему-то гораздо сложнее. Дмитрий тогда тоже считал, что умеет говорить достаточно ясно. Оказалось - нет.

Он слишком осторожно сформулировал одну простую просьбу. Лилия слишком буквально её поняла. А дальше каждый из них пошёл своим вектором, даже не подозревая, что когда-то они могли выбрать один.

— Что? — спросила Лилия, заметив его взгляд.

Дмитрий моргнул.

— Ничего.

— Ты опять задумался.

— Бывает.

— Осторожнее. Для тебя это опасно.

— Почему?

— Вдруг однажды додумаешься до чего-нибудь важного.

Она забрала папку со стола и ушла. Дмитрий остался в коридоре. Вокруг продолжалась обычная жизнь клинической базы: хлопали двери, звонили телефоны, торопились студенты, медсёстры спорили из-за историй болезни, из операционного блока уже вывозили первую каталку.

Здание жило своим привычным ритмом. А где-то между старых арок, высоких потолков и длинных коридоров два человека снова шли в разные стороны.

Глава 3. Точка пересечения.

К консилиуму я пришла раньше остальных. Это было почти закономерностью. Я не любила входить в кабинет в тот момент, когда все уже расселись, перелистывают истории болезни и смотрят на часы с выражением людей, которым приходится терпеть чужое опоздание. Кроме того, сегодня мне хотелось хотя бы несколько минут побыть в тишине. За окнами стояло обычное больничное утро сероватое, прохладное, с редкими полосами света на стекле. Старое здание клинической базы медленно наполнялось голосами. Где-то хлопнула дверь, по коридору прокатилась каталка, из ординаторской донёсся чей-то смех. В нашей больнице тишина никогда не была настоящей. Она лишь ненадолго отступала, уступая место следующей смене звуков.

Я положила папку на стол и ещё раз просмотрела результаты обследований Соколова. Максим Андреевич, пятьдесят два года. Состояние относительно удовлетворительное. Опухолевый процесс в желудке с распространением за пределы органа, вовлечением прилежащих тканей и контактом с поперечной ободочной кишкой. Отдалённых метастазов по имеющимся данным не выявлено.

Ситуация была сложной, именно поэтому я уже несколько часов мысленно спорила с Дмитрием. Хотя, если быть честной, с Дмитрием я иногда спорила даже тогда, когда для этого не было серьёзного повода. Он умеет раздражать меня совершенно особенным образом: не громкостью, не самоуверенностью и даже не привычкой принимать решения последним словом. Наоборот. Дмитрий редко повышал голос. Он просто говорил спокойно, уверенно и так, будто заранее продумал все возможные возражения, а потом аккуратно сложил их в отдельную папку. Это качество я в нём уважала и одновременно терпеть его не могла.

Дверь открылась, и я даже не подняла головы. По шагам я уже знала, кто вошёл. У Дмитрия была странная способность двигаться практически бесшумно для человека такого роста. Наверное, сказывалась привычка держать себя под контролем. Он никогда не торопился без необходимости, не размахивал руками, не бросал вещи на стол. Даже чашку ставил так, словно она являлась частью какого-то давно установленного порядка.

Он занял место напротив меня.

— Ты уже всё посмотрела?

Я подняла глаза. На нём был белый халат, под ним светлая рубашка. Галстука не было, что для него означало почти небрежность.

— Разумеется.

— И?

Я закрыла папку.

— И я считаю, что его нужно оперировать.

Дмитрий не ответил сразу. В этом тоже была его привычка: он никогда не спорил с первой секунды. Сначала смотрел, оценивал, иногда делал тот самый едва заметный вдох, по которому я уже научилась понимать, что сейчас начнётся.

— Я бы не торопился.

Вот теперь началось. Я откинулась на спинку стула и посмотрела на него внимательнее. Пять лет совместной работы научили меня многому. В том числе распознавать момент, когда Дмитрий собирается проявить свой любимый профессиональный принцип: если существует риск, его нужно рассмотреть со всех сторон, затем ещё раз со всех сторон, а после этого желательно пригласить человека, который посмотрит на него с совершенно другого угла.

Я была устроена иначе. Если окно возможностей существует, я предпочитала сначала понять, насколько оно открыто, и только потом думать, почему через него нельзя пройти. Мы спорили об этом не впервые, но сегодня мне было особенно трудно принять его позицию.

Соколов был в состоянии, позволяющем перенести серьёзное вмешательство. По обследованиям не было признаков отдалённого распространения, а значит, у нас оставался шанс на радикальное лечение. Да, опухолевый процесс был местно-распространённым. Да, операция обещала быть непростой. Да, на этапе вмешательства могли возникнуть обстоятельства, которых не видно ни на одном снимке. Но если ждать идеальной ситуации, хирургия давно перестала бы существовать.

Постепенно кабинет заполнялся людьми. Пришли анестезиолог, заведующая диагностическим отделением, несколько врачей. Началось обсуждение. Я говорила о состоянии Соколова, о распространённости процесса, о возможности хирургического лечения. Дмитрий приводил свои аргументы: вмешательство может оказаться более объёмным, чем мы рассчитываем; контакт опухоли с соседними структурами всегда требует осторожности; перед операцией можно рассмотреть системную терапию, чтобы попытаться уменьшить объём процесса и снизить риски.

Я слушала, не перебивая. В этом была одна из немногих вещей, которые я действительно ценила в наших спорах: мы никогда не переходили на личности. По крайней мере, вслух. Когда он закончил, в кабинете на несколько секунд повисла тишина. Я провела пальцем по краю папки. Мне хотелось ответить резко, но я заставила себя говорить спокойно.

— Если мы будем ждать стопроцентной определённости, нам придётся закрыть хирургическое отделение и открыть музей нерешительности.

Кто-то за столом тихо усмехнулся. Дмитрий посмотрел на меня с тем выражением, которое я знала слишком хорошо.

— Я не предлагаю ничего не делать. Я предлагаю не идти в осложнения с распростёртыми объятиями.

— А я предлагаю не считать осложнением сам факт того, что операция сложная.

Он слегка нахмурился. Мне нравилось видеть эту едва заметную перемену в его лице. Обычно Дмитрий выглядел так, будто его невозможно вывести из равновесия даже землетрясением.

— Ты иногда настолько боишься осложнений, что начинаешь принимать осторожность за правильную тактику, — сказала я.

В кабинете стало тихо. Я понимала, что зашла далеко, но отступать уже не собиралась. Дмитрий смотрел на меня несколько секунд, потом перевёл взгляд на снимки.

— А ты иногда настолько веришь в свои руки, что забываешь о том, что находится за пределами операционного поля.

Вот теперь мне нечего было возразить сразу. Я ненавидела, когда он был прав хотя бы частично, но именно за это, наверное, и уважала. Обсуждение продолжалось ещё некоторое время. Каждый добавлял свои аргументы, кто-то уточнял результаты обследований, кто-то говорил о возможных рисках. В итоге решение оказалось ближе к моей позиции.

Оперировать.

Я поставила подпись в документах и почувствовала странное облегчение, которое почти сразу сменила ответственность. Теперь спор закончился. Теперь оставалась работа. Перед операцией я всегда становилась немного другим человеком, не потому, что переставала бояться. Страх в хирургии — вещь полезная, если умеешь держать его на коротком поводке. Он напоминает о цене ошибки и не позволяет относиться к сложной ситуации легкомысленно.

Просто в операционной мне было легче. Здесь не требовалось гадать, что человек думает, почему молчит или что имел в виду, когда сказал одну фразу вместо другой. Здесь существовала конкретная задача, команда и последовательность действий. Я переделалась, собрала волосы и привычно посмотрела на себя в зеркало.

От моих утренних кудрей почти ничего не осталось. — Наконец-то победа, — пробормотала я своему отражению.

Через несколько минут я уже стояла в операционной. Дмитрий вошёл следом. Мы не обсуждали утренний спор. Не было смысла. У нас вообще существовало негласное правило: всё, что сказано за пределами операционной, остаётся за дверью, если не мешает работе. Именно поэтому я иногда думала, что мы с Дмитрием были удивительно хорошей командой.

Он видел то, что могла пропустить я. Я замечала то, что мог не заметить он. Мы двигались по одному плану, хотя приходили к нему разными дорогами.

Операция началась спокойно. Первые этапы проходили так, как мы и ожидали, но затем стало очевидно, что реальная картина сложнее той, которую показывали снимки. Опухолевый процесс оказался теснее связан с соседними структурами, чем хотелось бы. Я сосредоточилась на поле. В такие моменты всё остальное исчезает. Остаётся только то, что перед глазами, движения рук, инструменты, голоса команды и собственное дыхание под маской.

В какой-то момент Дмитрий остановил меня — изменился его голос. Я посмотрела туда, куда он указывал. Он заметил то, что я могла пройти слишком быстро.

Мы изменили тактику и в этот момент я снова вспомнила наш утренний разговор.

Осторожность. Я не любила это слово. Но сейчас именно она помогала нам двигаться дальше. Операция продолжалась дольше, чем планировалось. Потребовался более значительный объём вмешательства, включая резекцию участка кишечника, однако в итоге нам удалось выполнить то, ради чего мы всё это начали. Когда напряжение немного отпустило, я поймала себя на мысли, что устала. Не физически. Скорее той усталостью, которая приходит после нескольких часов полной концентрации, когда мозг продолжает работать даже тогда, когда всё уже закончилось.

Я посмотрела на Дмитрия. Он выглядел почти так же спокойно, как утром. Меня это всегда немного удивляло.

— Всё прошло хорошо, — сказал он.

Я кивнула. Потом, сама не понимая зачем, улыбнулась.

— Вот видишь. Поэтому с тобой невозможно жить.

Фраза вырвалась совершенно случайно. Я тут же пожалела, что сказала её. Дмитрий посмотрел на меня. Несколько секунд он просто молчал.

За маской было сложно понять выражение его лица, но глаза улыбались.

— Кто сказал, что я собираюсь с тобой жить?

— Никто. Это я так, для статистики.

Он тихо рассмеялся. Я тоже. И почему-то именно этот короткий момент показался мне гораздо более опасным, чем все наши утренние споры.

После операции коридор встретил меня прохладой. Я переобулась и снова надела туфли. Каблук глухо отозвался о пол.

Тук-тук-тук.

Я шла рядом с Дмитрием и впервые за весь день не чувствовала необходимости что-нибудь ему доказывать. За окнами уже начинался вечер. Старое здание постепенно меняло своё утреннее лицо: свет в коридорах становился мягче, голоса тише, за стеклом темнело небо. Мы прошли несколько метров молча. И мне вдруг подумалось, что, наверное, именно это и есть наша странная особенность.

Мы с Дмитрием действительно двигались разными векторами. Я всегда выбирала действие там, где он искал дополнительные гарантии. Он останавливался там, где я уже видела следующий шаг. Я шла вперёд, он проверял, достаточно ли крепко под ногами стоит пол. Иногда наши направления сталкивались так, что хотелось хлопнуть дверью и больше никогда с ним не спорить. А потом мы входили в операционную и каким-то образом всё становилось на свои места. Я посмотрела на него. Дмитрий шёл рядом, засунув руки в карманы халата, и о чём-то задумался.

Я отвернулась первой.

— Устала? — спросил Дмитрий.

Я посмотрела на него через плечо.

— После таких операций обычно устают.

— Я спрашивал не как заведующий отделением.

Вот этого я от него не ожидала. Мы продолжали идти по коридору, и мне вдруг стало неловко от того, что я не знала, что ответить. В операционной мне было гораздо проще: там я могла за секунду принять решение, оценить ситуацию, выбрать следующий шаг. Здесь передо мной стоял совершенно другой вопрос, на который не существовало протокола.

— Тогда как ты спрашивал?

Дмитрий пожал плечами.

— Как человек, который провёл рядом с тобой почти пять часов.

Я усмехнулась.

— Звучит подозрительно.

— Почему?

— Потому что обычно ты интересуешься только тем, сколько человек потерял крови, какие у него показатели и когда можно переводить в палату.

— Значит, придётся иногда нарушать привычку.

Он сказал это совершенно спокойно, словно речь шла о смене расписания.

Я посмотрела на него внимательнее. Дима действительно выглядел уставшим. Под глазами обозначились тени, волосы немного растрепались, белый халат уже не сидел так безупречно, как утром. Впервые за долгое время он показался мне не заведующим хирургическим отделением, не человеком, который привык принимать решения за других, а просто мужчиной, который тоже провёл несколько тяжёлых часов и теперь хотел понять, как я себя чувствую.

Это было непривычно и почему-то приятно.

— Я в порядке, — сказала я. — А ты?

Он усмехнулся.

— Теперь ты спрашиваешь как коллега?

— Нет. Как человек, который провёл рядом с тобой почти пять часов.

На этот раз он рассмеялся уже открыто. Смех совершенно ему не шёл. Точнее, шёл слишком хорошо. Я поймала себя на том, что смотрю на него дольше, чем собиралась, и снова перевела взгляд на окна.

— Кстати, — сказала я, чтобы вернуть разговор на безопасную территорию, — утром ты был слишком осторожным.

— А ты слишком самоуверенной.

— Но в итоге мы его оперировали.

— И в итоге я оказался прав насчёт кишечника.

Я остановилась.

— Вот сейчас ты всё испортил.

— Я просто констатировал факт.

— Нет, ты наслаждаешься им.

Дмитрий посмотрел на меня с едва заметной улыбкой.

— Возможно.

Я покачала головой.

— Невыносимый человек.

— Ты сегодня уже говорила, что со мной невозможно жить.

— Это была эмоциональная реакция после тяжёлой операции. В медицинских документах её учитывать не нужно.

— Жаль.

Я хотела ответить, но он уже пошёл дальше и всё-таки через несколько секунд догнала его. Мы свернули к ординаторской. За стеклянной дверью горел свет, кто-то разговаривал, звенела ложка о чашку. Обычная больничная жизнь возвращалась на свои места, словно ничего особенного сегодня не произошло.

А для меня произошло. Не с пациентом -там всё было понятно. Мы сделали то, что должны были сделать, и сделали хорошо. Что-то изменилось между мной и Дмитрием. Совсем немного. Настолько мало, что я могла бы убедить себя в обратном. Если бы очень захотела.

— Лиль.

Я снова посмотрела на него.

— Что?

— Хорошая работа.

Всего два слова и, наверное, любой другой человек не придал бы им значения.

Но Дмитрий редко хвалил кого-то просто так. Он вообще предпочитал оценивать работу делом: доверить сложную операцию, прислушаться к мнению, дать возможность принять решение. Поэтому его слова почему-то задержались во мне дольше, чем должны были.

— У тебя тоже, — ответила я.

Он кивнул и открыл дверь ординаторской. Я прошла следом, стараясь думать о чём угодно, кроме того, что сегодня впервые за много лет мне стало интересно, каким Дмитрий бывает тогда, когда рядом нет больницы. И именно эта мысль показалась мне гораздо опаснее утреннего спора.

Глава 4. Вектор за пределами больницы.

О Соколове перестали говорить тревожным тоном примерно через неделю. В хирургии есть своя иерархия страхов: сначала ты боишься, что пациент не переживёт ночь, потом - что пойдут осложнения, затем - что не приживётся анастомоз. Но когда Максим Андреевич начал с таким энтузиазмом уничтожать больничный компот, что Валентина Николаевна всерьёз опасалась за его желудочный сок, стало ясно: мы победили.

Я стоял у окна в ординаторской и смотрел, как Лиля спорит с медсестрой из-за чьей-то не подписанной истории болезни. Её тёмные кудри, как всегда, жили собственной жизнью, игнорируя заколки и лак.

— Хорошо, что ты тогда остановил меня, — её голос донёсся из коридора, тихий, без привычной иронии. Она не смотрела на меня, делая вид, что увлечена папкой.

Я не сразу ответил. В её словах не было триумфа. Было что-то другое. Признание.

— А ты не сказала «я же говорила», — наконец произнёс я.

— Я не чудовище, Дима.

Я усмехнулся, глядя ей в спину. Для Лилии это было почти равносильно признанию в уважении. Для меня - комплиментом, который я не знал, как принять. Операция Соколова расставила всё по местам. Моя осторожность и её готовность идти до конца. Мы не просто нашли компромисс. Мы доказали себе, что по отдельности мы бы этого пациента не спасли. Победил не её вектор и не мой. Победил наш общий.

Мы, конечно, ничего такого друг другу не сказали. Хирурги вообще плохо подходят для откровенностей. Мы закрываем эту тему так же ловко, как закрываем брюшную полость.

Но письмо пришло в понедельник утром. Я к этому времени уже успел провести обход, выслушать три жалобы на ординаторов, дважды изменить график и выпить половину чашки кофе, который, по закону жанра, успел остыть. Секретарь положила конверт на стол, между папкой с историями болезней и моим телефоном. Я открыл его, пробежал глазами первые строки и тут же почувствовал, как внутри нарастает глухое сопротивление. Материал по случаю Соколова заинтересовал редакцию. Нас приглашали на научно-практическую конференцию в другой город. Представить доклад. Вместе.

Я ненавижу конференции. В больнице всё подчинено логике: диагноз, операция, протокол. Здесь я контролирую пространство. Конференция - это хаос. Чужой город, гостиница, бесконечные фуршеты, необходимость поддерживать светские беседы с людьми, которых ты видишь раз в год. И, что самое главное, это вырывало нас из привычной системы координат. Из больницы. Где у меня есть кабинет, стены и понятные правила.

Я набрал её номер.

— Лиль, зайди ко мне.

— Если это про работу - через пять минут. Если ты опять придумал какую-нибудь таблицу - через двадцать.

— Про работу.

— Тогда пять.

Ровно через пять минут в коридоре зазвучал её метроном. *Тук. Тук. Тук.* Я всегда узнавал её по шагам. За пять лет этот звук врезался в мою нервную систему глубже, чем анатомия. Лилия вошла, неся в одной руке планшет, в другой - стакан кофе, а в зубах, кажется, держала невидимую сигарету раздражения.

— Что случилось?

— Почему ты всегда предполагаешь, что что-то случилось?

— Потому что ты зовёшь меня в кабинет только тогда, когда либо кто-то умер, либо ты хочешь меня отчитать.

Я молча протянул ей письмо. Она перехватила стакан, пробежала глазами строки, и я наблюдал, как меняется её лицо. Как исчезает дежурная ирония, как загораются глаза. Она была прозрачна для меня, как хорошо сделанное КТ.

— О, — выдохнула она. — Вот.

— Что «вот»?

— Я же говорила. Случай интересный. Нас приглашают на конференцию. Значит, поедем.

— Кто?

— Мы.

— Я не поеду.

Она замерла, стакан с кофе завис в воздухе. — Почему?

— У меня отделение.

— У тебя заместитель.

— Операции.

— Можно переставить.

— Приём.

— Перенести.

— Лиля...

Она села напротив, положила письмо на стол и посмотрела на меня так, будто я только что отказался оперировать при перитоните, потому что у меня болит голова. — Ты просто не хочешь ехать, — констатировала она.

— Да. — Почему? — Потому что не хочу.

Она несколько секунд молчала, изучая меня. Я знал этот взгляд. Она сканировала меня, искала трещину в броне. И, конечно, находила.

— Знаешь, Дима, это, пожалуй, самый честный ответ, который ты дал мне за последнее время, — тихо сказала она. — Ты настолько привык быть ответственным, что уже не замечаешь, когда ответственность становится удобным способом ничего не менять.

Её слова ударили точно в цель. В ту самую точку, где пять лет назад я так неуклюже сформулировал приглашение на свидание, что она приняла его за разбор полётов. Я прятался за работой. За протоколами. За осторожностью. Потому что если ты не выходишь за пределы кабинета, тебе не больно ошибиться.

— А ты всегда всё делаешь потому, что тебе интересно? — спросил я, пытаюсь сменить фокус.

— Почти.

— Поэтому постоянно лезешь туда, куда тебя никто не просил?

— Зато жизнь не скучная.

Она поднялась, забрала письмо. — Поехали, Дима. В её голосе не было вызова. Только спокойная, абсолютная уверенность.

— Почему для тебя это так важно? — спросил я. И тут же понял, что вопрос прозвучал не как вопрос заведующего, а как вопрос мужчины, который боится сделать ещё один неверный шаг.

Она остановилась у двери.

— Потому что мы хорошо сработали. Правда хорошо. И мне хочется это показать. Не ради баннеров и не ради аплодисментов. Просто такие случаи редко складываются так, чтобы можно было увидеть всю картину целиком. Мы спорили, принимали разные решения, а потом всё равно пришли к одной точке. Она чуть улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла, что мне стало физически жарко в идеально проветренном кабинете. — По-моему, это довольно красиво.

Она вышла. Я остался сидеть один, глядя на закрытую дверь. *Красиво.* Она сказала, что это красиво. Я посмотрел на свои руки, лежащие на столе. Пять лет мы кружили друг вокруг друга, как два небесных тела на разных орбитах, боясь столкнуться. А она просто хотела выйти со мной на сцену. Вместе.

— Сколько дней? — её голос раздался из коридора, прежде чем она успела уйти далеко. Я усмехнулся. — Два.

— Три.

— Два с половиной.

— Два. Иначе Соколов без меня решит, что ему можно шашлык.

— Договорились.

Её каблук застучали по плитке, удаляясь. Я выдохнул, откинулся на спинку кресла и вдруг поймал себя на мысли, что впервые за долгое время мне не терпится посмотреть, что будет дальше. Вечером, собираясь домой, я стоял перед зеркалом в спальне и держал в руках рубашку. Обычно мой выбор был предсказуем, как мой операционный почерк: белый, голубой, серый. Строгие линии, никаких лишних деталей. Одежда, которая не отвлекает от сути. Но сегодня мой взгляд упал на розовую.

Не кислотно-малиновую, разумеется. Глубокий, пыльный оттенок. Хороший хлопок, идеальный воротник. Я купил её полгода назад, и она ни разу не покидала шкафа. Почему-то тогда мне показалось, что она слишком... яркая. Слишком много говорит о владельце. Я застегнул пуговицы. Посмотрел на себя. Это было нарушение протокола. Это было глупо. Это было... правильно. Я не мог объяснить себе, зачем я это делаю. Может быть, потому что завтра мне предстоит выйти из больницы. Может быть, потому что Лилия однажды сказала, что я слишком предсказуем. А может быть, просто потому, что я хотел, чтобы она заметила. Хотя бы одну вещь, которую я делаю не по правилам.

На следующее утро она заметила всё. Она вошла в мой кабинет, как всегда, опережая собственное эхо. Бросила на стол папку, поставила кофе. — И ещё, — она вдруг остановилась, оглядев меня с ног до головы с той беспощадной прямоотой, за которую я её одновременно ненавидел и обожал. — Что с рубашкой?

— Что с ней? — Розовая. — Я вижу. — Ты никогда не носишь розовые рубашки. — Сегодня ношу. — Зачем?

Я посмотрел на неё поверх очков. Внутри у меня всё сжалось в тугий узел, но голос предательски остался спокойным. — Потому что она мне нравится.

Лилия прищурилась. В её глазах мелькнуло что-то опасное, живое и пугающе знакомое.

— Вот это уже интересно. Я была уверена, что ты считаешь розовый цвет личным оскорблением.

— Я никогда такого не говорил.

— Ты просто всем видом это показывал.

— Ты слишком много внимания уделяешь моей одежде,

— Потому что обычно она такая же предсказуемая, как твои решения.

— И что с этим не так?

— Ничего. Просто сегодня ты меня удивил.

Она смотрела на меня чуть дольше, чем это было допустимо по врачебному этикету. — Могу переодеться, — сказал я, проверяя её реакцию.

— Ни в коем случае, — она улыбнулась, и эта улыбка была острее любого скальпеля. — Оставь. Хочу посмотреть, как ты будешь выглядеть на конференции в розовой рубашке.

— Как обычно.

— Вот именно это меня и беспокоит.

Она вышла, забрав с собой воздух из кабинета. Я остался стоять у окна, глядя, как в осеннем дворе кружат жёлтые листья. Завтра мы уедем. Туда, где нет моих стен, её каблуков

и больничных коридоров. Туда, где нам придётся остаться наедине друг с другом. Я поправил воротник розовой рубашки и впервые за пять лет подумал, что, возможно, осторожность - это не всегда добродетель. Иногда она просто мешает тебе успеть на поезд.

На вокзале я оказался за сорок минут до отправления. Не потому, что боялся опоздать. Я вообще не опаздываю - в моей профессии это равносильно профессиональной непригодности. Но сорок минут для человека, который привык рассчитывать свои действия до секунды, было избыточно. Просто поездка предполагала дорогу, а дорога, в отличие от операционного блока, не подчинялась моим протоколам. Поэтому я предпочёл заранее занять точку на карте и уже потом позволить обстоятельствам происходить без моего участия.

Утро выдалось промозглым. Над платформами висел густой, ватный туман, в котором жёлтые огни вокзала казались размытыми пятнами. Люди суетились, тащили чемоданы, прощались. Я стоял у табло, держа в руке кожаную сумку, и смотрел на часы. В третий раз за последние десять минут. Лилии не было. Я не волновался. По крайней мере, именно это я себе сказал. На двадцать пятой минуте до отправления я её увидел.

Она появилась со стороны центрального входа, разрезая толпу с той же уверенной, почти хищной грацией, с которой обходила реанимационные койки. Высокие сапоги, светлое пальто, волосы, которые она, судя по всему, пыталась собрать на ходу, но которые уже начали жить собственной жизнью. В одной руке она сжимала стаканчик кофе, в другой телефон, который она умудрялась одновременно прижимать плечом к уху и набирать сообщения большим пальцем.

Увидев меня, она махнула свободной рукой кому-то в трубку, отключила звонок и остановилась передо мной. Грудь её слегка вздымалась, а на щеках играл холодный румянец.

— Ты давно? — спросила она, пряча телефон в сумку. Я посмотрел на свои часы. — Достаточно. Она перевела взгляд на табло. — Я не опоздала. — Я этого и не говорил. — Но подумал. — Я много чего думаю, Лиль. — Это я заметила.

Она улыбнулась, поправила выбившуюся прядь и сделала глоток кофе. И только в этот момент я обратил внимание на её чемодан. Он выглядел так, словно она собиралась не на двухдневную конференцию, а на зимовку в Альпах.

Я не стал делать замечаний. Просто молча протянул руку.

— Я сама, — сказала она, но без особого убеждения.

— Я знаю.

Я забрал чемодан. В этом жесте не было ничего экстраординарного. Но пока мы шли к платформе, я поймал себя на странном ощущении. В больнице мы помогали друг другу иначе: подать ретрактор, перехватить кровотечение, вовремя заметить наметившуюся аритмию. Мы делили ответственность за жизни. Но никто из нас никогда не носил чужие чемоданы. Граница, которую мы так старательно проводили между «работой» и «всеми остальным», вдруг стала казаться мне проницаемой. Мы поднялись в вагон, нашли свои места. Я убрал сумку на полку, достал телефон и уже собирался открыть рабочую почту - привычка, въевшаяся в подкорку, когда Лилия вдруг сказала:

— Если ты сейчас начнёшь работать, я тебя высажу на первой станции.

Я поднял глаза. Она сидела напротив, расстегнув пальто. Под ним было простое тёмное платье. Без халата. Без бейджа. Без этой нашей больничной брони. Волосы, которые в отделении она безжалостно прятала под шапочку или закалывала невидимками, сейчас свободно лежали на плечах. И от неё пахло не хлоргексидином и больничным мылом. От неё пахло чем-то тёплым, пряным, почти домашним.

Я вдруг понял, что вижу её тысячи раз, но *эту* Лилию, вне стен клиники, вижу впервые.

— Я просто хотел проверить почту, — сказал я, чувствуя, как голос предательски звучит чуть мягче, чем обычно. — Именно поэтому я и предупредила.

Она наклонилась через столик, ловко перехватила мой телефон и положила его экраном вниз.

— Ты понимаешь, что это мой телефон? — спросил я.

— Прекрасно понимаю.

Она откинулась на спинку кресла с видом человека, только что установившего новую мировую гармонию. Я хотел возразить. Хотел объяснить, что у меня есть неотложные вопросы по расписанию. Вместо этого я неожиданно рассмеялся. Она посмотрела на меня удивлённо, а потом улыбнулась в ответ. И на этом наш первый спор за пределами больницы закончился. Поезд тронулся. Город начал медленно отступать за окном: серые окраины, гаражи, редкие деревья. Осень за стеклом была холодной и прозрачной. Низкое солнце пробивалось сквозь облака, ложилось на поля длинными светлыми полосами.

Лилия достала книгу. Я не стал спрашивать, что она читает. Мы просидели так минут двадцать в тишине. Это молчание было удивительным. В больнице тишина между нами всегда была нагружена: невысказанными возражениями, профессиональными упреками, ожиданием следующего раунда спора. Здесь тишина была просто тишиной. Удобной, как старое кресло. Иногда мы одновременно тянулись за стаканами с водой. Иногда синхронно поднимали глаза, когда поезд резко дёргался на стыках рельсов. Мы всё ещё работали как команда. Просто теперь нашим общим пациентом было время.

Когда поезд остановился на какой-то маленькой промежуточной станции, Лилия вдруг захлопнула книгу.

— Кофе будешь?

Я посмотрел на часы. — До отправления семь минут. Успеем?

— Если ты перестанешь считать минуты - точно.

Я пошёл за ней. На платформе пахло мокрой листвой и выпечкой. Она купила два стакана, и, разворачиваясь, умудрилась задеть меня плечом. Тёмная капля упала на крышку моего стаканчика.

— Прекрасно, — сказала она, глядя на пятно. — Я только что чуть не облила заведующего отделением.

— Было бы впервые, — заметил я.

— Что?

— Ты обычно просто споришь со мной.

— Это потому, что ты слишком хорошо держишься.

Она протянула мне стакан. Наши пальцы на секунду соприкоснулись. Её кожа была холодной от вокзального сквозняка. — Иногда полезно нарушать правила, Дима, — тихо сказала она. Я посмотрел на неё. На её растрёпанные ветром волосы, на насмешливые глаза.

— Это твоя жизненная философия?

— Одна из.

Поезд тронулся, прежде чем мы успели вернуться к прежнему молчанию. К гостинице мы приехали ближе к полудню. Здание оказалось старым, с высокими окнами, массивными дверьми и лепниной над входом. Внутри пахло старым деревом, а не озоном и стерильностью.

Номера нам дали на одном этаже, через несколько дверей друг от друга. Поднявшись к себе, я первым делом достал костюм и аккуратно развесил его в шкафу. Потом открыл ноутбук. Посмотрел на светящийся экран. Вспомнил, как Лилия перевернула мой телефон в поезде и закрыл ноутбук. Я пошёл в ванную, включил душ, позволяя горячей воде смыть усталость вчерашней операции и бессонную ночь. Вытираясь, я посмотрел в зеркало. На стуле лежала моя рубашка. Розовая. Я надел её, застегнул пуговицы. В зеркале на меня смотрел мужчина, который нарушал собственный протокол. Пять лет я носил белый, голубой, серый. Пять я был тем самым «слишком предсказуемым» Дмитрием. А сегодня я надел розовую рубашку, потому что хотел, чтобы она это заметила. Эта мысль была пугающей. И оттого ещё более притягательной.

Когда я спустился в лобби, Лилия уже стояла у дивана. Я остановился в нескольких шагах от неё. На ней было платье глубокого винного оттенка. Ткань мягко облегла фигуру, а лёгкое пальто было накинуто на плечи так, словно она сошла со страниц журнала, а не только что вышла из лифта. Она поправляла серёжку, и я вдруг с невероятной отчётливостью понял, что за все эти годы я ни разу не видел её *такой*. Я видел её в кровавом фартуке, с маской, закрывающей половину лица. Видел её злой, уставшей, торжествующей, раздражённой. Но я никогда не смотрел на неё как мужчина на женщину. А сейчас смотрел и у меня предательски перехватило дыхание.

Она подняла глаза. Заметила мой взгляд. — Что? — спросила она, чуть прищурившись. — Ничего. — Опять это «ничего». — Просто платье красивое, — сказал я. И понял, что это правда. Оно было красивым. Но дело было не в нём. Лилия на секунду замерла. Compliments от меня были редкостью, она это знала.

— Спасибо, — произнесла она чуть тише обычного. Между нами повисла та самая пауза, когда воздух становится гуще. Я не стал её прерывать.

— А рубашка всё-таки розовая, — наконец сказала она, и в её голосе вернулась привычная искорка.

— Ты уже это выяснила.

— Мне нужно было убедиться, что мне не приснилось. Она улыбнулась, и напряжение, которое начало было нарастать, мягко рассеялось.

Мы вышли на улицу. Город встретил нас прохладным солнцем и запахом прелых листьев. Лилия шла рядом, иногда слегка отставая, чтобы рассмотреть витрину или старый фонарь. Я сначала шёл в своём привычном, выверенном темпе, но потом поймал себя на том, что неосознанно замедляю шаг, подстраиваясь под неё. На углу небольшой улицы она вдруг остановилась.

— Нам же к обеду? Лилия посмотрела на часы. — Есть время. Она потянула меня за рукав пальто в сторону небольшой книжной лавки. — Пять минут.

— Ты говорила пять минут в прошлой жизни, — буркнул я, но послушно свернул за ней.

Через пятнадцать минут я стоял у кассы с книгой, которую совершенно не собирался читать. Лилия шла рядом с довольным видом, прижимая к груди свой пакет. — Ты сказал, что зайдёшь на пять минут, — заметила она. — Ты задержалась. — А ты мог уйти. — Мог. — Но не ушёл.

Я посмотрел на неё. На то, как ветер треплет её тёмные кудри, на то, как она сжимает пакет, как сияет от какой-то внутренней, только ей понятной радости. Пять лет назад я не пригласил её на свидание, потому что испугался перемен. Потому что в моей упорядоченной жизни она была единственной переменной, которую я не мог просчитать. Я спрятался за работой, за протоколами, за своей осторожностью. А сегодня я купил книгу по архитектуре XIX века, в которой не разбираюсь ни на грош, только потому, что хотел продлить эти «пять минут» ещё на пятнадцать.

— Нет, — тихо ответил я. — Не ушёл.

Лилия посмотрела на меня чуть дольше, чем это было нужно. В её глазах мелькнуло что-то тёплое и пугающе знакомое. Она ничего не сказала. Только чуть ближе придвинулась ко мне, когда мы снова зашагали по осенней улице. Впервые за много лет я обнаружил, что мне совершенно некуда торопиться. Мой вектор, который я так старательно выстраивал годами, вдруг сместился. И, кажется, впервые в жизни мне это совсем не нравилось.

Глава 5. Чужой вектор.

В хирургии есть негласное правило: если ты хочешь понять, кто есть кто, посмотри не на то, как человек работает, а на то, как он пьёт кофе на перерыве. Конференционный зал гудел, как огромный улей. Три сотни врачей, три сотни белых халатов, накинутых поверх костюмов, и запах дешевого растворимого кофе, который организаторы почему-то считали элитным.

Я сидела в третьем ряду, листая программу, но внимание моё было приковано к противоположной стороне холла. Там стоял Дмитрий. В больнице он был «Дмитрий Сергеевич». Точкой опоры, стеной, голосом, который перекрывает любой шум в ординаторской. Здесь, среди коллег из других городов и федеральных центров, он был просто Дмитрием. И, что меня неожиданно раздражающе поразило, он совершенно не терялся.

Он не громко смеялся, не размахивал руками, не пытался перекричать собеседников. Он просто стоял в центре небольшого круга, и все слушали именно его. К нему подошел главврач из соседней области - мужик под два метра ростом, с таким басом, что у меня в детстве ассоциировался только с Дедом Морозом. Дмитрий кивнул ему, что-то спокойно ответил, и басистый главврач... рассмеялся.

Я прищурилась. С тех пор как мы приехали, Дмитрий рассмеялся в моем присутствии раза три. А тут, значит, может. Рядом с ним стояла женщина - Елена Маркова, известный онколог из Москвы. Я видела её пару раз на секциях. Строгая, непробиваемая, известная тем, что может разнести докладчика в пух и прах одним вопросом. Сейчас она смотрела на Дмитрия с явным интересом и что-то говорила, слегка наклонив голову.

И тут в глаза мне бросилась рубашка. Розовая. В больничном свете люминесцентных ламп она казалась просто странной деталью гардероба. Но здесь, при мягком свете холла, на фоне серых костюмов и белых блузок, эта рубашка делала своё дело. Она смягчала его жесткие плечи, делала менее монументальным, более... доступным. Маркова посмотрела на его рукав, потом на лицо, и улыбнулась. Дмитрий что-то ответил, и она кивнула с видом человека, который только что услышал отличную шутку.

У меня внутри что-то неприятно дёрнулось. Не ревность. Боже упаси, какая ревность? Мы коллеги. Мы партнеры. Мы - рабочий дуэт. Это было просто чувство собственника, не более того. Как когда ты знаешь, что твой любимый скальпель идеально заточен, а кто-то другой пытается резать им хлеб.

— Смотришь, как он их обработал? — раздался голос рядом.

Я обернулась. Это был Андрей, наш ординатор, который тоже приехал на конференцию (и которого я, по совместительству, заставила присутствовать здесь для «расширения кругозора»).

— Кто? — отвлечённо спросила я.

— Дмитрий Сергеевич. Он на кофе-брейке разнес питерского профессора в пух и прах по поводу лимфодиссекции. А сейчас они у него уже руку жмут.

— Он всегда так делает, — буркнула я, возвращая взгляд к Дмитрию.

Он как раз поймал мой взгляд через весь холл. Улыбнулся. Совсем чуть-чуть, уголками губ, но я увидела и кивнул мне. Я отвернулась к программе. Завтра его секция. Завтра он будет выступать. А сегодня он просто был собой. И это «собой» оказалось на удивление... притягательным. Стоп. Я поправила выбившуюся прядь. *Интересным*. Вот правильное слово.

К шести вечера программа первого дня закрылась. Мы поднялись в номера, чтобы переодеться. Я надела чёрное платье - простое, без лишних деталей, но с вырезом на спине, который, как я знала, Дима однажды случайно увидел, когда я тянулась за файлом на верхней полке, и с тех пор старался не смотреть мне в спину. Я знала это, потому что Дима вообще старался не смотреть на то, что не входит в его протоколы.

Когда я спустилась в лобби, он уже ждал. Тёмный костюм, идеально сидящий, разумеется и та самая розовая рубашка. Без галстука, верхние две пуговицы расстёгнуты. Он выглядел так, словно сошёл с обложки журнала для успешных, но слегка циничных мужчин.

— Ты готов? — спросила я, подходя.

— К чему? — он посмотрел на часы.

— К банкету.

Дима вздохнул. Тот самый вздох, который в больнице означал: «Лилия, у нас обход, а ты опять потеряла историю болезни Петрова».

— Лиля, банкет факультативный. В программе написано «по желанию».

— Я желаю.

— Это не делает его обязательным.

— Дима, мы в чужом городе. Мы не можем просто уйти в номера и читать методички.

— Я не собираюсь читать методички. Я собираюсь лечь спать и встать в семь утра, чтобы проверить свой доклад.

— Твой доклад идеален. Ты проверил его четыре раза. Я видела, как ты выделял текст маркером.

— Пять раз, — поправил он. — И я хочу проверить его в шестой.

Я сделала шаг ближе. Между нами было сантиметров э, чуть-чуть. Я задрала голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Он смотрел вниз.

— Дмитрий Сергеевич, — сказала я самым невинным тоном. — Если вы сейчас уйдёте в номер, я буду вынуждена сообщить организаторам, что ведущий докладчик по случаю Соколова отравился больничным компотом и не может присутствовать.

— Ты не посмеешь.

— Хотите поспорить?

Он смотрел на меня несколько секунд. В его глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку, но он быстро это скрыл.

— Лиля, это трата времени. Там будет плохое вино и разговоры ни о чём.

— Там будет еда. И я хочу есть.

— Мы можем заказать в номер.

— Я хочу есть в ресторане. И я хочу, чтобы ты составил мне компанию.

Я не стала ждать ответа. Я просто шагнула ещё ближе, скользнула рукой под его локоть и крепко прижала его предплечье к своему боку. Это был мой коронный приём. Рост сто шестьдесят на каблуках всё равно не позволял мне тянуть его за руку- это выглядело бы как попытка сдвинуть с места сейф. Зато, если зацепить его под локоть и перенести вес тела чуть вперёд, гравитация и его же собственное чувство равновесия делали своё дело.

Он дёрнулся. Совсем слегка.

— Лиля...

— Идём, — сказала я, разворачивая его к выходу. — Машина уже ждёт. (Она не ждала, но я вызову такси, пока мы идём).

— Я не говорил, что иду.

— А я не спрашивала.

Я чувствовала, как напряжены мышцы под тонкой тканью рубашки. Он был твёрдым, как всегда. Но он не отстранился. Он не сказал «отпусти». Он просто пошёл.

Сначала его шаг был немного скованным, будто он не привык, что кто-то вот так вот, без спроса, вторгается в его личное пространство и управляет его траекторией. Но через десять метров, когда мы вышли на прохладный вечерний воздух, его плечо под моей рукой расслабилось.

— Ты манипулируешь мной, — спокойно констатировал он, когда мы сели в такси.

— Это называется нетворкинг, — ответила я, устраиваясь на заднем сиденье. — Ресторан «Старый город», — бросила я водителю.

Дима посмотрел на меня в полумраке салона.

— Ты всегда такая напористая?

— Только когда имею дело с упрямыми пациентами, — парировала я.

Он усмехнулся. И тут, при свете уличных фонарей, пробегающих по его лицу, я вдруг отчётливо подумала, что у него очень красивые глаза. Тёмные, внимательные, с лёгкой сеткой морщинок у внешних уголков.

Я тут же перевела взгляд на окно. *Бред. Это усталость. Это смена обстановки.* Ресторан оказался именно таким, какие я любила: приглушённый свет, тяжёлые деревянные столы, запах жареного мяса и розмарина. Никакого пафоса, только уют. Мы заняли столик у окна. Дима заказал вино - не то дешёвое, что обещал на банкете, а вполне приличное, и стейк средней прожарки. Он делал это так буднично и уверенно, словно мы приходили сюда каждый вторник.

— Ты часто бываешь в таких местах? — спросила я, когда официант ушёл.

— В каких?

— В таких. Где не говорят о работе.

Дима обвёл пальцем край бокала. Я смотрела на его руки. Длинные пальцы, аккуратные ногти, спокойные, выверенные движения. Руки, которые сегодня утром спасли бы жизнь, если бы нужно было. А сейчас просто держали бокал.

— Редко, — ответил он. — Обычно у меня нет компании для таких мест.

— А как же твоя бывшая жена?

Он поднял глаза. Вопрос, видимо, застал его врасплох. Мы никогда не говорили о его прошлом. Это было негласным правилом.

— Мы развелись десять лет назад, Лиля.

— Я знаю. Я просто подумала, что, может быть, ты привык...

— Нет, — он отпил вино. — Мы поженились, когда мне было двадцать. Мы были детьми. Она хотела путешествовать, ходить в такие рестораны, слушать живую музыку. А я хотел работать ...и спать.

Он сказал это без горечи. Просто как констатацию факта. Как диагноз, который давно не беспокоит.

— И ты решил, что рестораны - это слишком сложно?

— Я решил, что не хочу тратить время на то, что не приносит смысла.

— Смысл - это только операционная?

Дима посмотрел на меня. Долго. Так, что я вдруг почувствовала себя не хищницей, а наоборот - той, на кого охотятся.

— Раньше да, — тихо сказал он.

В воздухе повисла тишина. Не та больничная, напряжённая, перед сложным решением, а густая, тёплая.

— А сейчас? — спросила я, и мой голос прозвучал чуть тише, чем я планировала.

— Сейчас, — он чуть наклонил голову, — кажется, смысл можно найти и в другом. Например, в том, чтобы вытащить упрямого коллегу на ужин, потому что она угрожает отравиться компотом.

Я рассмеялась. Напряжение спало, но что-то внутри меня уже не могло вернуться в прежнее состояние.

— Знаешь, Дима, — сказала я, опираясь подбородком на руку. — Ты сегодня совсем другой.

— В каком смысле?

— Ты не заведующий. Ты не читаешь мне лекции. Ты просто... есть.

— Это плохо?

— Нет, — я посмотрела на его розовую рубашку, на то, как мягко ложится свет на его плечи. — Это неожиданно.

Он усмехнулся и откинулся на спинку стула.

— Это потому что ты тащишь меня под руку, как непослушного кота. Рядом с тобой невозможно быть заведующим. Ты не даёшь шанса.

— Я не даю шанса быть скучным, — поправила я.

— Возможно, — он посмотрел на меня, и в его взгляде было столько спокойной, тёплой иронии, что у меня внутри снова что-то ёкнуло. — Ты удивительная, Лиля.

Я слегка отшатнулась на стуле. Он не говорил комплиментов. Никогда. За пять лет ни разу.

— Что? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Ты слышала, — он взял вилку. — Ешь стейк, пока он не остыл. Завтра мне нужно быть в форме, а ты, кажется, собираешься снова таскать меня по книжным лавкам.

Я взяла свой бокал, чтобы скрыть улыбку, которая сама собой расплзалась по лицу. Он не сказал «ты красивая». Он не сказал «ты мне нравишься». Он сказал «ты удивительная». И для Дмитрия Сергеевича, человека-протокола, это было равносильно признанию в любви. По крайней мере, так мне хотелось думать.

— Завтра, — сказала я, откусывая кусочек мяса, — после твоего доклада, мы пойдём гулять.

— Лилия...

— Без обсуждений. Это медицинское показание.

Он посмотрел на меня. Потом медленно покачал головой. И я увидела, как уголки его губ предательски дрогнули.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Гулять так гулять.

Я улыбнулась ему в ответ. За окном начинался дождь, размывая огни чужого города. А внутри у меня было тепло. И впервые за пять лет я подумала, что, может быть, разные векторы - это не всегда про то, что вы движетесь в разные стороны. Иногда это просто значит, что вы движетесь под разным углом. Но если постараться, эти линии всегда можно пересечь.

Банкет начался предсказуемо. Зал, который ещё час назад казался уютным и почти пустым, мгновенно заполнился белыми воротничками, элегантными платьями и запахом дорогих духов, смешанным с ароматом трюфелей. Организаторы конференции, видимо, решили, что раз уж мы все такие умные, нам необходимо немедленно начать обсуждать это друг с другом. Столы сдвинулись, бокалы зазвенели, и моя мечта о том, чтобы мы с Димой просто остались в этом тёплом, полутёмном углу подольше, развеялась, как дым.

К нам подошла Елена Маркова. За ней главврач из Екатеринбурга. За ним ещё кто-то очень важный из Москвы, чьё имя я слышала на утренних секциях, но лицо запомнить не успела.

— Дмитрий Сергеевич! Лилия Владимировна! — Маркова чокнулась с Димой, а потом перевела на меня оценивающий, но тёплый взгляд. — Очень приятно узнать, что вы тоже будете выступать.

— Спасибо, Елена Викторовна, — Дима был безупречен. Спокойный, вежливый, с лёгкой, профессиональной улыбкой. Тот самый «Дмитрий Сергеевич», которого я знала по советам. Но я-то смотрела не на его улыбку. Я смотрела на его руки. Он держал бокал с вином так, будто это был скальпель, и каждые несколько секунд его взгляд скользил ко мне. Не чтобы проверить, слушаю ли я, а чтобы убедиться, что я всё ещё здесь. Что я не сбежала. Через двадцать минут я уже слушала, как мужчина из Новосибирска сорок минут подробно, с цифрами и слайдами на планшете, рассказывает о том, какой именно шовный материал он использует при ушивании двенадцатиперстной кишки.

— ...и вот здесь, коллеги, важно понимать, что полидиоксанон даёт меньшую тканевую реакцию, но...

Я смотрела в окно. Там, за стеклом, начинался дождь. Не просто дождь. Настоящий, осенний, злой ливень, который превратил брусчатку в зеркало, а фонари - в размытые оранжевые кляксы. Моя душа, которая ещё час назад планировала романтическую (ну ладно, просто приятную) прогулку по чужому городу, медленно умирала. Я посмотрела на свои каблуки. Потом на лужи за окном. Потом на новосибирского коллегу.

Я хотела гулять. Я хотела чувствовать этот дождь, пить глинтвейн где-нибудь в подвальчике, слушать, как Дима спорит с барменом или рассказывает что-то ещё. А вместо этого я сидела на банкете и слушала про полидиоксанон. Я незаметно вздохнула и начала ритмично постукивать пальцем по ножке бокала. Раз, два, три. Раз, два, три.

— ...поэтому мы пришли к выводу, что экономическая целесообразность... — продолжал коллега.

Дима вдруг замолчал. Он не перебивал новосибирца. Он просто перестал кивать. Медленно, почти лениво повернул голову и посмотрел на меня. Его взгляд скользнул по моему лицу, опустился на мои пальцы, барабанившие по стеклу, и снова поднялся к глазам.

— Лилия Владимировна, — прервал он коллегу. Голос у него был тихий, но в нём было столько спокойной, абсолютной власти, что новосибирец тут же закрыл рот. — Вы, кажется, хотели что-то добавить?

Все посмотрели на меня. Я моргнула. Дима смотрел на меня с абсолютно невинным выражением лица. Но в его глазах плясали чёртики. Он *спасал* меня. Или издевался. С ним никогда нельзя было сказать наверняка.

— Я хотела сказать, — медленно произнесла я, — что экономическая целесообразность - это, конечно, прекрасно. Но за окном начинается потоп, а я обещала себе, что в этом городе выпью не меньше двух чашек кофе.

Дима посмотрел в окно. Оценил масштаб стихии. Потом снова на меня.

— Кофе в такую погоду пить опасно, — серьёзно сказал он. — Можно простудить голосовые связки. А вам ещё завтра на секции отвечать.

— Я не собираюсь отвечать. Я собираюсь гулять.

— В ливень?

— В ливень тоже можно гулять. Если правильно одеться.

Маркова рассмеялась. — Лилия, вы чудесны. Дмитрий Сергеевич, вы как с ней справляетесь?

Дима поставил бокал на стол. — Я просто вовремя меняю тактику, Елена Викторовна.

Он поднялся. — Коллеги, простите. Моя коллега действительно устала от перелёта, а я обещал составить ей компанию. Если позволите.

Никто, конечно, не позволил бы ему уйти - по протоколу банкета полагалось сидеть до победного. Но Дима умел выходить из-за стола так, что это выглядело не как побег, а как стратегическое отступление, с которым никто не хотел спорить.

Он протянул мне руку. Я вложила в неё свою ладонь. Мы вышли из зала. В холле ресторана было прохладно. За дверью бушевала стихия. Дождь барабанил по козырьку так, что невозможно было бы расслышать собственные мысли.

— Ну вот, — сказала я, глядя на поток воды. — Прощай, прогулка.

Дима стоял рядом. Он не смотрел на дождь. Он смотрел на меня. — Ты расстроена.

— Я не расстроена. Я фрустрирована. У меня был план.

— Какой план?

— План, в котором ты не слушал про шовные материалы, а рассказывал мне, почему ты надел розовую рубашку.

Дима тихо рассмеялся. Звук получился низким, бархатным, и от него у меня предательски защемило где-то под рёбрами.

— План был хороший, — признал он. — Но я предлагаю его скорректировать.

Он огляделся. В глубине холла была небольшая, полукруглая ниша с мягкими креслами и торшером, отгороженная от основного пространства высокой пальмой в кадке. Там было полутемно, тихо и совершенно пусто.

— Идём, — сказал он.

Мы прошли в эту нишу. Дима сел в кресло, жестом предлагая мне другое, напротив. Я села, поджав ноги под себя - каблуки за день дали о себе знать, и быть на одном уровне с ним было просто удобно. Он вернулся через пару минут с двумя чашками. — Чай, — сказал он, протягивая мне одну. — С чабрецом и лимоном. Кофе в такую погоду, как я уже сказал, опасен. А глинтвейн здесь подают такой, что после него придётся заново учиться читать КТ.

Я взяла чашку. Наши пальцы снова соприкоснулись. На этот раз он не отдернул руку сразу. — Спасибо, — тихо сказала я. Мы сидели в полумраке. Шум дождя за окном превратился в уютный, обволакивающий гул.

— Знаешь, — начала я, согревая руки о фарфор, — я всегда думала, что ты ненавидишь банкеты.

— Я их не ненавижу. Я их не понимаю.

— В каком смысле?

— В больнице всё понятно. Есть проблема, есть решение. Есть жизнь, есть смерть. А там... — он кивнул в сторону зала, откуда доносился приглушённый гул голосов, — там люди притворяются, что они не устали. Это требует слишком много энергии.

— И почему ты тогда пошёл со мной? Ты мог остаться. Там было много важных разговоров.

Дима посмотрел на меня поверх чашки. Его взгляд был тяжёлым, внимательным. Таким, каким он смотрел на снимки, когда искал то, что скрыто от глаз.

— Потому что, Лиля, — он произнёс моё имя так, как делал это крайне редко. Только когда мы оставались вдвоём в ординаторской после тяжёлой смены. — Потому что я увидел, как ты стучишь пальцем по бокалу. И понял, что если я сейчас не уведу тебя оттуда, ты либо убьёшь новосибирского коллегу, либо сама спрыгнёшь с балкона.

Я замерла. — Ты это заметил?

— Я замечаю всё, что касается тебя.

Воздух в нише вдруг стал густым. Дождь шумел за стеклом, но я слышала только стук своего сердца.

— Дима... — начала я, не зная, что сказать.

— Лиля, — он поставил чашку и чуть подался вперёд. — Ты привыкла думать, что я робот. Что у меня в голове только протоколы, расписания и статистика.

— Ты не робот, — возразила я, потому что это было правдой. Роботы не носят розовые рубашки.

— Нет. Но я человек, который привык контролировать. Пять лет я контролировал всё. Операции. Отделение. Свои эмоции. Свои слова. Особенно - слова, адресованные тебе.

Я забыла, как дышать. — Пять лет? — эхом отозвалась я.

Он усмехнулся. Грустно и тепло. — Ты правда думала, что я пять лет звал тебя обсуждать пациента? Или Петрова? Или кого угодно?

Мир качнулся. Я смотрела на него. На его серьёзное лицо, на тёмные глаза, в которых больше не было никакой осторожности. Только он и я.

— Ты... ты хотел пригласить меня на свидание? — прошептала я. И тут же захотела провалиться сквозь землю, потому что звучало это невероятно глупо.

— Я хотел пригласить тебя в ресторан, Лиля. Пять лет назад.

— Но я пришла с папкой!

— Я знаю. Я видел эту папку. И я понял, что либо я совершенно не умею формулировать мысли, либо ты не хочешь меня слышать. И я отступил. Потому что я трус, когда речь заходит о том, что мне действительно важно.

Я смотрела на него, и в голове крутилась одна мысль. Пять лет. Мы спорили. Мы работали. Мы жили в одном ритме. А он... он всё это время стоял в шаге от меня и боялся сделать шаг навстречу.

— Ты идиот, Дмитрий Сергеевич, — сказала я. Голос дрогнул, но я не стала это прятать.

— Я знаю, — кивнул он. — Но я учусь.

— Чему?

— Нарушать собственные правила.

Он медленно протянул руку и коснулся моей щеки. Его пальцы были гладкими, тёплыми. Этот жест был таким нежным, таким абсолютно не «дмитриевским», что у меня на глаза навернулись слёзы. Идиотские, обидные слёзы от того, как много времени мы потеряли.

— Ты удивительная, — тихо сказал он, большим пальцем стирая предательскую влагу у моего скулы. — Ты дерзкая, упрямая, носишь невозможные каблуки и врываешься в мою жизнь, как ураган. И я... я, кажется, только сейчас понял, что хочу чтобы ты чаще в неё вривалась.

Я накрыла его ладонь своей. — А я, кажется, только сейчас поняла, — сказала я, глядя ему прямо в глаза, — что мне совершенно всё равно, какая у тебя рубашка...

Дима улыбнулся. По-настоящему. Широко, красиво, так, что у него появились те самые морщинки у глаз.

— В таком случае, — сказал он, не убирая руки, — предлагаю допить чай. А потом я закажу такси, мы поедem в мой номер, я заварю тебе нормальный чай, и мы будем смотреть в окно на дождь. Без протоколов.

Дима улыбнулся. По-настоящему. Широко, красиво, так, что у него появились те самые морщинки у глаз.

— В таком случае, — сказал он, не убирая руки, — предлагаю допить чай. А потом я закажу такси, мы поедem в мой номер, я заварю тебе нормальный чай, и мы будем смотреть в окно на дождь. Без протоколов.

Моё сердце пропустило удар, а затем забилося где-то в горле. *В его номер.* Смотреть на дождь. Без протоколов. Я уже начала кивать. Я уже была готова встать, взять его за руку и пойти куда угодно, лишь бы это странное, хрупкое пространство между нами не разрушилось.

Но в следующую секунду я увидела, как меняется его лицо. Улыбка медленно сошла с его губ. Взгляд, который только что был таким тёплым и открытым, вдруг погас. В нём мелькнуло что-то пугливое, расчётливое. То самое выражение, которое появлялось у него, когда он оценивал риски слишком сложной операции.

Он медленно убрал руку от моего лица. Это движение было вежливым, но оно отсекло нас друг от друга хуже любого скальпеля.

— Лиля... — он прочистил горло и отвёл взгляд. — Я, кажется, слишком много выпил на банкете.

Воздух в нише вдруг стал ледяным.

— Что? — переспросила я. Голос прозвучал тихо, но внутри меня уже начинал закипать тот самый, знакомый мне по консилиумам гнев.

— Вино, — он провёл ладонью по лицу, и в этом жесте было столько фальшивой усталости, что мне захотелось швырнуть в него чашкой. — Оно ударило в голову. Я наговорил лишнего. Слишком пафосно. Слишком... прямо. Прости. Я не должен был.

Он отступает. Мой мозг, привыкший анализировать ситуацию за доли секунды, мгновенно разложил всё по полочкам. Он испугался. Он, чёрт возьми, испугался того, что зашёл

слишком далеко. Пять лет он прятался за своими протоколами, а сейчас, когда наконец перешёл черту, его инстинкт самосохранения сработал мгновенно. Он решил «откатить» ситуацию назад. Сделать так, чтобы этого момента как будто не было. Списать всё на алкоголь.

И самое ужасное было в том, что я поняла: он боится не меня. Он боится *нас*. Моя гордость, которую я так старательно латала последние пять лет, взвыла. Я только что сидела перед ним, почти признаваясь в том, что он мне безразличен. Я, Лиля, которая никогда не бегала за мужчинами, которая привыкла, что это они должны завоевывать меня. Я открылась ему. Как девчонка. Как идиотка.

А он сказал, что это просто вино. — Да, — сказала я. Я удивилась собственному голосу. Он был пугающе ровным. Спокойным. Тем самым голосом, которым я говорила с родственниками пациентов, когда прогноз был плохим.

— Вино было отличным, — продолжила я, медленно откидываясь на спинку кресла и скрещивая руки на груди. — И я, признаться, тоже устала. Долгий перелёт, конференция, чужой город. Эмоции... они ведь тоже требуют энергии.

Дима посмотрел на меня. И, боже, как же меня взбесило то, что в его глазах мелькнуло *облегчение*. Он обрадовался. Он обрадовался тому, что я дала ему этот лёгкий путь к отступлению.

— Конечно, — он быстро подхватил эту игру, эту нашу новую, ледяную игру в «ничего не случилось». — Ты права. Мы оба устали. Завтра мне выступать, нужно подготовиться.

— Разумеется, — я встала. Движения были резкими, но я заставила себя делать их плавно. Я поправила платье, которое вдруг стало казаться мне слишком тесным. — Ваш доклад, Дмитрий Сергеевич, не потерпит, чтобы вы читали его с похмелья.

Он дёрнулся. *Дмитрий Сергеевич*. Я знала, что это удар ниже пояса. В больнице он терпел моё «Дима» только когда мы оставались вдвоём после тяжёлых смен. А сейчас я использовала его отчество как щит. Как стену, которую воздвигала годами.

— Лилия... — начал он, и в его голосе впервые за вечер проскользнула растерянность.

— Спокойной ночи, — бросила я, разворачиваясь к выходу из ниши. — Высыпайтесь. И пейте больше воды.

Я не стала ждать его ответа. Я вышла из полутёмной ниши, минула зал, где всё ещё гудел банкет, и толкнула тяжёлую дверь в холл отеля. Я шла быстро. Почти бежала. Мои каблуки стучали по мраморному полу. *Тук. Тук. Тук.* Этот звук, который обычно придавал мне уверенности, сейчас звучал как насмешка. Как метроном, отсчитывающий моё унижение. Такси быстро довезло меня до отеля. Я подлетела к лифту, нажала кнопку, вставила ключ-карту в дверь своего номера. Зашла. Захлопнула дверь. Щёлкнул замок. И только тогда, когда спина коснулась холодной деревянной панели, колени предательски подогнулись. Я съехала вниз, прямо по полу, обхватив руками колени. В номере было тихо. Слышно было только, как за окном барабанит дождь. Тот самый дождь, по которому я так хотела гулять с ним.

Я уткнулась лицом в колени, и горячая, злая слеза предательски обожгла щеку. *Вино*, повторила я про себя, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. *Конечно. Это было просто вино.*

Я просидела на полу ещё десять минут. Потом встала, подошла к зеркалу в ванной. Глаза были красными. На щеках пятна. Я включила холодную воду и начала умываться. Долго. Жёстко. Смывая не только тушь, но и всю ту дурь, которая заставила меня поверить, что осторожный Дмитрий Сергеевич способен на спонтанный порыв.

Он отступил. Он всегда

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.